

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Р. П. В.
1914

3
283-1

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

[1923]

Л. Г. ДЕЙЧ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА».

(Конец 1883 г. и начало 1884 г.)

I.

Неимоверные трудности встретили мы со всех сторон при нашем выступлении, в чем отчасти сами были виноваты: в течение двух предшествовавших лет мы доказывали тогдашней нашей революционной среде, — в России и, в особенности, за границей, — что необходимо объединиться с единственно действовавшей тогда нелегальной организацией, что нецелесообразно, вредно дробить наши силы и т. д. Все поэтому привыкли считать нас если не официальными, зарегистрированными членами партии «Народной Воли», то кандидатами в таковые, и со дня на день ждали печатного сообщения о состоявшемся нашем присоединении к народолюбцам. Вместо этого в конце сентября 1883 г. появилось объявление о нашем разрыве с «Вестником Народной Воли» и о выступлении в качестве новой группы.

Толкам и пересудам по этому поводу не было конца.

В своих письмах к Лаврову Тихомиров, между прочим, осведомлял его, будто «во всей загранице» нет «хорошо относящегося к ним человека». Это была, конечно, неправда, посредством которой лидер народолюбцев стремился вооружить старого Лаврова против нас, что, к слову, ему вполне удалось. В действительности, не только «хорошо относившихся» к нам людей, но и больших друзей было у нас «во всей загранице» достаточное количество. Правда, были у нас и недоброжелатели, лица, которым мы, — главным образом, Георгий Валентинovich

и я,—были несимпатичны. Но это вызвано было почти исключительно тем, что мы не вели с ними компании,—не проводили времени в кафе в бесконечных разговорах за «консомациями» и т. д. Но сколько-нибудь значительных споров, а тем более ссор и столкновений ни у Георгия Валентиновича, ни у меня до возникновения нашей группы не было ни с кем из молодых эмигрантов.

Тем не менее, повторяю, недоброжелатели у нас имелись, и им, конечно, пришлось вполне по сердцу известие о нашем расхождении с народолюбцами. Как бы то ни было, но среди эмигрантов мы ни на какую поддержку рассчитывать не могли.

Не лучше,—хотя и по другим причинам,—обстояло наше дело в России—среди революционной молодежи и рабочих, не говоря уже о нашей интеллигенции, а также передовой части либерального общества, без сочувствия и поддержки которой тогда считалась почти совершенно невозможной какая-либо нелегальная, подпольная деятельность.

Хотя «грозный», еще недавно казавшийся «всесильным» и неуловимым «Исполнительный Комитет Народной Воли», державший, по словам Маркса и Энгельса, в плену «Гатчинского узника», фактически был тогда уже совершенно разбит, но об этом еще не знала наша передовая интеллигенция, не переставшая поэтому возлагать свои упования на террористов, которые, по выражению поэта Минаева, добудут «хоть куцую конституцию».

С этой стороны мы, как сторонники научного социализма, могли встретить еще более отрицательное к себе отношение, чем со стороны эмигрантов.

Несколько больше шансов было у нас по отношению к революционной молодежи, так как некоторая часть ее начала уже тогда охладевать,—разочаровываться в благотворности сосредоточивания всех сил на терроре, «на облове на царя». Но отчасти мы сами оттолкнули от себя наиболее зрелую молодежь тем, что в предшествовавшие годы в своих сношениях с нею как через возвратившегося осенью 1881 г. в Россию Стефановича, так и в непосредственной переписке убеждали ее примкнуть к «Народной Воле». По этому поводу мне, между прочим, вспоминается полученное нами зимой 1881—1882 г.г. из Петербурга письмо от одного представителя чернопередельцев так называемого «второго призыва», т. е. новой, возникшей после разгрома, под влиянием

П. В. Аксельрода, организации, о которой подробно сообщает в своих воспоминаниях О. К. Буланова. Автор этого письма, — не помню, кто именно, Шефтель или Загорский, — в страстных выражениях просил нас не агитировать за присоединение к «Наредной Воле», не уничтожать существующей небольшой группы, члены которой почти исключительно занимаются пропагандой и агитацией среди молодежи и рабочих. Но мы, настроившиеся под влиянием в приподнятом тоне изложенных писем Стефановича об успехах «Исполнительного Комитета», не вняли этим чуть ли не мольбам и, так сказать, собственными руками уничтожили имевшуюся у нас в Петербурге довольно прочную заценку. После этого мы потеряли всякую непосредственную связь со столицами, следовательно, и вообще с революционной молодежью и рабочими, — среди последних у нас абсолютно ничего не было, ни единой, самой незначительной связи, как говорится — хоть шаром покати.

И при столь «благоприятной конъюнктуре» мы, маленькая группка в 4—5 человек, вздумали свернуть в новое русло русское революционное движение, имевшее за собою уже тогда довольно продолжительное прошлое, прочно установившиеся взгляды, приемы, традиции. Чуть ли не гомерическим хохотом раздражались поэтому некоторые «почтенные» эмигранты, слыша про наши намерения.

«Переводными брошюрками и компиляциями немецких произведений «освободители труда» задумали осчастливить Россию, — все в ней на новый, социал-демократический путь перевести», смеялся, помню, один ныне здравствующий видный эмигрант-народник.

«Вы не революционеры, а студенты социологии», — укоризненно восклицал самый авторитетный тогда старожил, друг Бакунина, Н. И. Жуковский.

И мы не могли не признавать, что для этого насмешливого, отрицательного отношения к нашим стремлениям имеется немало оснований, почему, — как я уже упомянул в предыдущей статье, — сам Георгий Валентинович сравнивал нередко наши намерения со сборами крыловской синицы море съечь.

Известно далее, как почтенный Петр Лаврович отнесся к нашему выступлению: он сделал нам очень строгое внушение, так как этим мы, будто бы, «расстраиваем организа-

цию общественной армии», что, мол, «дозволительно только врагам и т. д.»¹⁾

Здесь, между прочим, замечу, что живи мы во время нашего расхождения с народовольцами в Париже и пожелаи привлечь Лаврова на свою сторону, то, ввиду эклектического склада его ума, нам этого не трудно было бы достигнуть, но именно вследствие этого свойства, несмотря на признаваемые нами его достоинства и заслуги, мы не хотели иметь его в числе сочленов нашей группы.

Совсем не так смотрела на него тогдашняя революционная молодежь: ей Лавров представлялся непреклонным, стойким, последовательным борцом, отдавшим все свои силы и знания интересам трудящихся масс. Для нее поэтому тот факт, что Лавров, действовавший в течение трех с чем-то лет заодно с нами, перешел, однако, на сторону народолюбцев и выступил с резким осуждением занятой нами позиции, служил ярким доказательством ошибочности, если не зловерности, наших стремлений.

Что такой именно вывод делала наша молодежь, я имел возможность убедиться не только находясь в эмиграции, но также очутившись затем в России, а потом в Сибири и на Каре. Следовательно, резко отрицательное отношение к нам старого Лаврова было далеко не безразличным обстоятельством для успеха группы «Освобождение Трудя», в особенности в течение первых лет ее возникновения.

Перечисленные обстоятельства, однако, не были еще самыми тяжелыми, в которых мы оказались в качестве новой группы: наиболее печальным было то, что у нас совершенно отсутствовали материальные ресурсы, т. е. тот рычаг, без которого невозможна какая-либо практическая деятельность.

Чтобы осуществлять поставленную себе прежде всего задачу — издавать «Библиотеку Современного Социализма», нам необходимо было иметь свою наборню: ²⁾ вполне оборудованную мною и хорошо функционировавшую более двух лет типографию, как я уже сообщил, мне пришлось предоставить моему преемнику, народолюбцу Полнну, так как она устроена была

¹⁾ «Вестник Народной Воли» № 2; цит. из сочин. Плеханова. Петрогр. 1920. III, I, стр. 163.

²⁾ «Наборнями» в Швейцарии назывались наши, русские, «типографии», так как в них производился только набор данных произведений; печатание же их совершалось в швейцарских типографиях, имевших печатные машины.

мною для печатания произведений «Исполнительного Комитета»¹⁾, средств же для приобретения новой у нас совершенно не было. Таким образом мы оказались, как говорится, при печальном интересе,—в положении, аналогичного которому я совершенно не в состоянии припомнить в течение прошедшей предо мной полувековой истории нашего революционного движения.

Вполне естественно поэтому, что временами, в особенности на первых порах, у нас у всех являлись опасения, удастся ли нам не только осуществить все наши задачи, но продержимся ли мы хотя бы сколько-нибудь продолжительное время, не осрамимся ли окончательно на радость нашим недоброжелателям с народо-вольцами и бывшим нашим союзником, П. Л. Лавровым, во главе. Такие наши опасения явствуют из печатаемых ниже моих писем к П. Б. Аксельроду, и мне же, которому почти единственному нужно было измышлять способы, как нам извернуться, приходилось ободрять и обнадеживать товарищей, хотя решительно никаких реальных данных, кроме ни на чем конкретном не основанных желаний, в сущности, у меня не было, а одного этого, как известно, недостаточно. Тем не менее мы не осрамылись, и группа «Освобождение Труда» продержалась не один год, а два десятка лет. Как это произошло, я изложу насколько возможно подробнее, так как, несмотря на протекшие с тех пор сорок с чем-то лет, до сих пор об этом никто еще не сообщал, хотя, по словам т. М. Ольминского, «об этой группе написано не мало»²⁾.

II.

Напомню, о чем я уже сообщил в очерке, посвященном В. Н. Игнатову, что главным образом ему мы обязаны были тем, что смогли выступить как самостоятельная группа.

Собственных средств у него тогда уже почти совсем не было: наибольшую часть доставшегося ему от отца наследства он предоставил в распоряжение общества «Земля и Воля», затем «Чер-

¹⁾ См. «Материалы и т. д.», а также «О сближении и т. д.» в «Прол. Рев.» 1922 и 1923 г.г.

²⁾ См. его предисловие к книге «От группы Благоева к Союзу Борьбы». Признаюсь, мне непонятно указанное его заявление: мне, напр., совершенно неизвестно это «не мало написанное» о нашей группе.

ного Передела», остатки же от него пошли на его лечение, а также на специальные предприятия, задуманные Стефановичем. Но от последней суммы тысяча двести франков остались в качестве неприкосновенного фонда, предназначенного им для освобождения Стефановича и для оказания ему материальной поддержки во время его пребывания в предварительном заключении и затем—на каторге ¹⁾. Вследствие моего предложения он согласился эти деньги, составлявшие тогда около 500 р., внести в кассу группы «Освобождение Труда». С этими-то незначительными средствами мы и приступили к осуществлению поставленных нами себе задач. Если читатель вспомнит, что мы не только не имели своей типографии, но также, что у большинства из нас не было решительно никаких средств к существованию и мы перебивались мелкими займами,—он, полагаю, согласится, что наше положение было крайне незавидным,—куда хуже губернаторского. Однако необходимо было начать, располагая только этой ничтожной суммой.

Разыскивая типографию, в которой можно было бы напечатать брошюру Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», а также «Объявление» о нашем выступлении, я узнал, что старый эмигрант Трусов, владелец русской наборки в Женеве, не прочь был продать значительную часть имевшегося у него шрифта, вместе с корректурным станком, за сравнительно подходящую цену—2.500 фр. Но она вдвое превосходила бывшее в нашем распоряжении количество денег; к тому же, чтобы выпустить указанные выше произведения, необходимо было еще располагать средствами на плату наборщику, на бумагу, квартиру, за печатание в типографии, так как мы, эмигранты, имели только наборки. На все перечисленное и многое другое, связанное с выпуском и распространением печатных произведений,—брошюрование, почта и пр.,—требовались еще немалые средства. Поэтому, хотя и представлялся исключительно благоприятный случай приобрести у Трусова наборку, но у нас не было возможности воспользоваться им. Это являлось тем более огорчительным, что, как нам было известно, народovolьцы собирались приобрести у Трусова продаваемый им типографский материал для увеличения количества имевшегося в их распоряжении

¹⁾ См. «Прол. Рев.» № 9 (21), 1923 г.

шрифта. Поэтому необходимо было торопиться как можно скорее сделать эту покупку.

Я метался из стороны в сторону, обращался к разным лицам, но все мои усилия оказались напрасными: тут отчасти сказалось недружелюбное к нам отношение Женевской эмиграции, но, если бы даже его не было, все же едва ли возможно было бы среди преимущественно крайне нуждавшихся наших изгнанников достать сразу две или хотя бы одну тысячу франков,—сумму вообще колоссальную для того времени, к тому же при полной невозможности для нас определить даже приблизительно время ее возврата.

Я и Георгий Валентинович ломали головы, где бы раздобыть необходимые деньги. Единственная надежда была на младшего Игнатова, Илью Николаевича: у него, как мы предполагали, должны были иметься некоторые средства, так как он, находясь в ссылке, не мог истратить полученное им наследство. Но из всех нас до его приезда за границу знал его по «Земле и Воле», к которой он примыкал, один лишь Георгий Валентинович, мы же с Верой Ивановной и Розалией Марковной видели его только во время краткого его с братом Василием пребывания в Женеве. Но Плеханов вообще не любил, да и не умел тогда добывать деньги на общественные надобности. Поэтому без особенного удовольствия он согласился на наше предложение отправиться к Игнатовым, находившимся где-то в горах в Швейцарии.

С понятным нетерпением ждали мы его возвращения, но, увы: он ничего не привез,—Илья Николаевич заявил ему, что в данное время не имеет никакой возможности достать нужную нам сумму.

Мы были чуть не в отчаянии, так как с этой неудачей теряли последнюю имевшуюся у нас надежду.

Долго ломали мы вновь головы и, наконец, я решил написать Василию Николаевичу, хотя прекрасно знал, что, будь у него малейшая возможность достать требовавшуюся сумму, он давно сделал бы это. Все же я счел нужным изложить ему подробно положение дела, имея, конечно, в виду не столько его, сколько младшего его брата и предполагая, что Георгий Валентинович, вследствие неумения вытягивать средства у лиц, обладающих ими, быть может, не представил им достаточно наглядно создавшегося для нас положения. Я мало, если не сказать—вовсе не

рассчитывал на успех моего обращения и сделал его больше для исполнения, так сказать, долга, обязанности, что все пришедшее на ум испробовал.

Оказалось, что В. Н. Игнатов вскоре прислал мне 1.500 фр., вероятно, урезав себя самого, но наше положение было таково, что отказываться от этих денег мы не могли. Благодаря им, мы стали владельцами упомянутых типографских принадлежностей, при чем Трусев согласился сократить цену до 2.000 фр. и получить эту сумму в рассрочку, в несколько приемов.

Но и с этими деньгами все же не было возможности покрыть все указанные выше расходы, сопряженные с выпуском «Объявления» о нашем выступлении и первых выпусков «Библиотеки Современного Социализма.» Однако оставим на время наше материальное положение и обратимся к указанным литературным произведениям Г. В. Плеханова.

Не раз приходилось читать, будто редакция «Вестника Народной Воли», вследствие принципиальных, теоретических разногласий с Плехановым, отвергла его статью «Социализм и политическая борьба», а потому он вынужден был издать ее отдельной брошюрой и поэтому будто бы не состоялось наше соединение с народовольцами. Эту ошибку делает даже бывший член группы «Освобождение Труда», П. Б. Аксельрод, а его, по недоразумению, поддерживает редакция «Пролетарской Революции»¹⁾. В действительности, как я уже сообщил в предыдущем очерке, Тихомиров с Ошаниной просили Георгия Валентиновича лишь вычеркнуть из этой статьи *резкие выражения*, вроде «партия «Народная Воля» является самой беспринципной из всех бывших партий», или допустить примечание редакции о ее несогласии с этими фразами. Но Георгий Валентинович ни на то, ни на другое не согласился, требуя, чтобы во втором случае ему было предоста-

¹⁾ К моему замечанию в статье по поводу воспоминания П. Аксельрода, что наши теоретические разногласия с народовольцами не имели существенного значения, уважаемая редакция «Прол. Рев.» заявила в выпуске, что «с этим утверждением вряд ли можно согласиться». Странно, почему не заявила она этого, когда в № 8 (20) «Прол. Рев.» я подробно это доказывал. Однако, если ни доводы Плеханова в его обширном фельетоне («Искры» № 54), ни мои подробные статьи еще не убедили почтенных членов этой коллегии, то, быть может, она изменит свой безусловно ошибочный взгляд на этот вопрос после того, как ознакомится с печатаемыми в наст. Сбор. материалами из наших архивов. Поддерживаемый ред. «Прол. Рев.» ошибочный взгляд впервые был пущен в ход Л. Шишко, не знавшим многих, только теперь появляющихся в печати архивных документов.

влено в той же книжке место для возражения на редакционную заметку. Только на это Тихомиров не согласился, что совершенно понятно, в противном случае с ним случилось бы то же, что с унтер-офицерской женой, которая, как известно, сама себя высекла.

Ни против одного из теоретических положений, развитых Плехановым в этой статье, не возражал Тихомиров, доказательством чему могут служить печатаемые письма его к Лаврову.

С другой стороны, Георгий Валентинович вовсе не считал существенными употребленные им в этой статье резкие выражения по адресу народовольцев: это явствует из того, что он без всяких споров согласился на наше предложение вычеркнуть их, когда мы решили издать его статью в качестве первого выпуска «Библиотеки Современного Социализма».

В том виде, как она появилась в последней, ее, несомненно, охотно принял бы и Тихомиров.

Почему же, спросит, быть может, читатель, Плеханов не сделал того же, когда его об этом просила редакция «Вестника Народной Воли»? После того, как Тихомиров с К-о отказались от нашего предложения поместить заявление о нашем присоединении, Георгий Валентинович сам желал, чтобы, под тем или другим предлогом, его статья была отвергнута. В этом сказались отчасти мои и других товарищей доводы.

Прежде чем перейду к нашему «Объявлению», остановлюсь на избранном нами названии нашей группы, так как оно тоже породило недоумение и насмешки. Георгий Валентинович предложил нам назваться «Русской социал-демократической группой», но мы, все остальные, нашли это неудобным главным образом из практических соображений,—ввиду опасений оттолкнуть от себя, в особенности на первых порах, революционную молодежь, крайне тогда предубежденную против социал-демократов. Кроме того, нам вовсе не хотелось копировать немецких социалистов, у которых мы находили мало революционности; наоборот, став марксистами, мы желали сохранить проявленный нашей передовой молодежью революционный дух, что, как известно, очень—вернее, даже чересчур—высоко ценили наши учителя—Маркс и Энгельс.

Насколько могу припомнить, Георгий Валентинович немедленно, без сколько-нибудь значительных возражений, согласился с нами и предложил несколько других названий, из которых мы оста-

новилсь на «Освобождении Труда», хотя его также находили не особенно удачным. До чего трудно было выбрать название, видно отчасти из моих писем к П. Б. Аксельроду, которого я просил придумать более подходящее, но и он ничего не предложил¹⁾.

Наконец, обращаясь к написанному Г. В. Плехановым же «Объявлению» об издании «Библиотеки Современного Социализма», я считаю небезынтересным указать на следующее: имеющаяся в нем выноска, в которой объяснено, почему не состоялось наше присоединение к народовольцам, сделана была мною, а не Георгием Валентиновичем. Между тем, даже он сам, в то время не одобривший эту выноску, несмотря на феноменальную память, по прошествии многих лет совершенно забыл это²⁾.

III.

Справившись, как мы видели, кое-как с вопросом об устройстве своей типографии,—главным образом, повторяю, благодаря В. Н. Игнатову³⁾,—мы приступили к разрешению не менее сложного и важного вопроса о том, как нам связаться с Россией, в которой, как я уже выше сказал, у нас не было никаких решительно зацепок,—ни единого своего человека. Между тем, само собою понятно, без этого не было ни малейшего смысла в нашей заграничной деятельности.

Необходимо было во что бы то ни стало приобрести связи в России, хотя бы для того, чтобы было к кому направлять печатаемые издания предпринятой нами «Библиотеки Современного Социализма»: не могли же мы довольствоваться тем, что их смогут читать недружелюбно к нам относившиеся эмигранты и немногие в то время молодые русские студенты в заграничных высших учебных заведениях. Правда, я по возможности не упустил случая снабжать каждого возвращавшегося в Россию, раз только

¹⁾ Теперь, 40 лет спустя, очевидно позабыв все это, он неверно толкует мотивы нашего нежелания назваться социал-демократами, а за ним вслед, как ниже укажу, В. Ваганын вздумал по этому поводу в чем-то ужасном обвинить меня.

²⁾ Между прочим, этим примечанием П. Аксельрод также был недоволен, но по другим, чем Плеханов, соображениям (см. мое к нему письмо от 30/IX 1883 г.).

³⁾ Об этом, как и о многом другом, П. Б. настолько основательно забыл, что в своих воспоминаниях приписал мне, а не Игнатову, «материальное обеспечение группы «Освобождение Труда» на первых порах»; Василия Николаевича он даже не причислил к членам нашей группы, а лишь к лицам, «примыкавшим» к ней.

он соглашался, небольшим количеством вышедших брошюр, — Плеханова, а затем Фр. Энгельса — «Развитие научного социализма» в переводе В. И. Засулич, — заделываемых в переплетках самых легальных книг, но этого было, конечно, недостаточно. С такими же оказиями мы посылали без определенных адресов, а вообще — революционной молодежи в России обширные письма, в которых, изложив наши задачи, просили об оказании материальной поддержки нашему предприятию, а также о присылке уполномоченных для более подробных переговоров с нами. Но все эти попытки завязать сношения с Россией оказались тщетными, — «ни ответа ни привета» мы отсюда не получали.

Единственным способом создать требовавшуюся нам связь с Россией являлась специальная отправка туда нашего единомышленника в качестве делегата. Но сколько-нибудь подходившего для этой миссии лица мы не могли подыскать в Женеве. Только, много времени спустя, Аксельрод из Цюриха сообщил мне, что он обрел там такого человека в лице незадолго перед тем эмигрировавшего бывшего чернопередельца Гринфеста, о котором упоминает в своих воспоминаниях И. Н. Гецов. Я попросил П. Б. направить этого молодого человека к нам, чтобы мы могли предварительно сколько-нибудь познакомиться с ним, что вскоре и произошло. Ввиду значительной роли, которую сыграл этот первый делегат группы «Освобождение Труда», считаю нужным посвятить ему две — три страницы.

Не знаю, каково было полученное Гринфестом, которого мы почему-то переименовали в «Финстера», образование, — вероятно, не выше среднего, а, может быть, и того меньше. Но на нас он произвел впечатление человека, знакомого с популярной тогда среди нашей революционной молодежи литературой, довольно бойкого, предприимчивого и практичного. Правда, в качестве первого делегата только что народившейся в Швейцарии марксистской группы Финстер не совсем подходил: прежде всего, он, повидимому, не обладал достаточными способностями и знаниями, чтобы развивать и защищать перед интеллигентными противниками наши взгляды, затем немаловажным дефектом являлось тогда, как, впрочем, и много лет спустя, то, что у него не было сколько-нибудь значительного революционного прошлого: он только работал в подпольной типографии «Черного Передела» в Минске, откуда скрылся, узнав, что жандармы напали на ее след, но ни в тюрьмах, ни в ссылке не бывал.

При столь ничтожном революционном его «стаже», средних его дарованиях и развитии, наши противники, узнай они о том, что мы его отправляем в Россию в качестве делегата, наверно, покатывались бы со смеха. И, в самом деле, как раз в это же время народовольцы отправляли в Россию знаменитого Германа Лопатина, к тому же не с миссией представлять вновь возникшую группку, а в качестве делегата давно завоевавшего всемирную известность «всесильного Исполнительного Комитета». Блестящий Лопатин, друг Маркса, Энгельса и Лаврова, много раз бежавший из тюрем, ссылок, Сибири, и—никому не известный молодой —Финстер! «По Сеньке шапка»—вероятно, говорили бы наши недруги со смехом. «Задавая комической целью «развивать какое-то классовое сознание» у несуществующего в России, по признанию всех наших авторитетов, пролетариата, стремясь заменить вооруженного бомбой героя «мозолистой рукой рабочего», вполне естественно посылать в качестве своего посла такую крупную силу»,—не только пронизировала бы вся «здоровомыслившая» эмиграция, но, несомненно, заранее и торжествовала бы, ввиду неизбежно предстоявшей нам полной неудачи и компрометации. Оно и понятно: ну, куда же этому юноше защитить вычитанные из немецких «брошюр» совершенно «неприменимые для нашей страны» взгляды! Такие фразы мне самому приходилось впоследствии слышать от некоторых лиц.

В действительности, подобно тому как в наших взглядах, задачах, стремлениях, так и в отправке Финстера, в качестве нашего первого вестника, конечно, не было решительно ничего смешного, комического: во-первых, у нас не было выбора, и мы поневоле должны были довольствоваться тем, что перед «всей революционной Россией», в качестве первого посла от женевских «освободителей труда», предстанет невзрачный юноша; во-вторых, мы вовсе не возлагали на него чрезмерных надежд.

Главной целью его поездки была организация контрабандной переправы через границу наших изданий. Правда, одна уже эта задача была далеко не из легких, так как для ее осуществления требовалось уменье привлечь людей, найти связи, достать средства, но, насколько мы успели за короткое время пребывания Финстера в Женеве узнать его, она была ему доступна.

Но далеко не легко оказалось для нас снарядить Финстера: принимая во внимание предстоявший ему нелегальный переход через границу, разъезды по России, устройство контрабандного

пути и пр., необходимо было снабдить его несколькимистами франков, которых у нас, конечно, не было. Не будучи в состоянии раздобыть эти деньги, пришлось прибегнуть к хранившимся для Трусова, согласно заключенному мною с ним контракту, следовавшего ему взноса, рискуя, в случае невозможности пополнить его к наступающему в скором времени сроку, оказаться неаккуратным плательщиком.

Между тем, пока шли сборы и подготовка Финстера к отъезду, мы, знакомясь с ним ближе, все более убеждались, что можем рассчитывать на получение от его поездки больших результатов, чем первоначально мы предполагали. Довольно подробно обсуждая с ним могущие встретиться ему в России всевозможные обстоятельства и комбинации, мы старались помочь ему заранее подготовиться, как ему в них ориентироваться. Но более всего побуждали мы его стремиться создать где-нибудь в России хотя бы незначительный кружок если не единомышленников наших, то хоть сочувствующих нашему намерению издавать популярную литературу по социализму. Кроме того, мы просили его агитировать за посылку к нам делегата, с которым мы могли бы обстоятельно потолковать о наших взглядах, задачах и стремлениях.

В достаточной степени подготовленный,—«подкованный на полторы ноги», как кто-то острил, и снабженный, кроме необходимой суммы денег, небольшим транспортом марксистских брошюр ¹⁾, а также и письмами ²⁾ без адресов к молодежи,—Финстер зимой отправился в Россию.

Мы, конечно, не удовлетворялись одной этой поездкой: мы не переставали разыскивать и другие возможности поскорее связаться с действовавшими в России кружками. Таких зацепок в описываемое время представилось несколько, но на всех я останавливаться не буду,—сообщу лишь о четырех из них. Первое место следует предоставить «Дрезденскому юноше», как мы прозвали Осипа Ефимовича Слободского, тогда студента поли-

¹⁾ Он взял с собою по несколько экземпляров следующих брошюр: «Манифест Коммунистической Партии»—Маркса и Энгельса, «Наемный труд и Капитал»—Маркса, «Программу работников»—Лассаля, «Социализм и политическая борьба»—Плеханова и «Развитие научного социализма»—Энгельса; все эти брошюры были изданы нами, членами гр. «Освобождение Труд», первые три—в «Социально-революционной библиотеке», последние две—в «Библиотеке Современного Социализма».

²⁾ Письма эти были от Георгия Валентиновича, Павла Борисовича и мен.

техникума в Дрездене,—этот псевдоним его часто попадает в корреспонденции членов группы «Освобождение Труда».

С момента возникновения последней, в самый тяжелый период ее жизни «Дрезденский юноша» оказал ей много неоценимых услуг, а следовательно, вообще марксистскому движению в России. Получая, сравнительно, небольшие средства от зажиточных родителей, живших в Херсонской губ., он всегда уделял некоторую их часть на наши предприятия. Но, кроме этой, очень, конечно, существенной для нас материальной поддержки, «Дрезденский юноша» также не упускал всякой «оказии» для пересылки в Россию наших изданий и связывания нас с приезжавшими за границу его товарищами и знакомыми. Между прочим, вспоминаю, что, когда я находился на Каре, мне доставляли большое удовольствие попадавшие в письмах ко мне членов группы «Освобождение Труда» упоминания о «Дрезденском юноше», оказавшем им такие-то услуги. Не будь поддержки столь отзывчивых молодых людей, каким явился Слободской и другие, положение моих заграничных друзей, несомненно, было бы еще значительно более тяжелым после моего ареста. Но я забегая вперед.

«Дрезденский юноша» являлся не только отзывчивым молодым человеком, но,—что еще важнее,—непоколебимо твердым, убежденным марксистом в течение сорока лет: теперь он коммунист, работающий, кажется, в Внешторге.

Следующим за ним по значению для нас был «Кенигсбергский студент»—Лев Ильич Городище, тогда студент-медик, которого свел со мною письменно Финстер, как-то познакомившийся с ним при своем проезде через Кенигсберг в Россию.

Сын также довольно состоятельных родителей из Киева, Городище взялся переправить в сундуке с двойными стенками через знакомого немца-рабочего некоторое количество наших изданий для Финстера. Но в пограничной таможне была раскрыта эта «контрабанда»; тогда задержанный немец, чтобы добиться освобождения, согласно предварительному условию с Городищем, указал на него, как на лицо, снабдившее его этим сундуком, будто бы не сообщив о заделанной в него литературе. Ввиду того, что в заранее определенный день «Кенигсбергский студент» не получил от этого немца условленной телеграммы, а следовательно, был задержан, ему, во избежание ареста, пришлось скрыться, после чего он эмигрировал к нам в Швейцарию.

Это был очень элегантный, изящный юноша, с прекрасными манерами, умный, довольно развитой и красноречивый, к тому же,—что сразу было заметно,—обладавший стойким, сильным характером. Но при этих крупных его качествах вскоре обнаружилась имевшаяся у него одна лишь отрицательная черта, тем не менее в сильнейшей степени ослаблявшая указанные положительные его свойства: он был чрезвычайно себялюбив, слишком много заботился о своем благополучии и о будущей карьере. По приезде в Женеву,—что было незадолго до моего оттуда последнего выезда,—он оказывал мне некоторые услуги, но главное свое внимание направлял на изучение французского языка, за каковое занятие он принялся с редкой настойчивостью. Затем, когда я был арестован во Фрейбурге, он, несмотря на свою «нелегальность» в Германии, поселился там, чтобы оказывать мне содействие в предполагавшемся устройстве моего побега: тогда он проявил большую выдержанность и решимость ¹⁾. Повидимому, он также не жалел и денежных средств на оказание всякого рода поддержки как нашей группе, так в частности и мне.

Очутившись впоследствии в русских тюрьмах и затем в Сибири, я поэтому вспоминал также и этого «Кенигсбергского» юношу. Вначале товарищи из-за границы изредка передавали и от него поклоны; потом, сообщив однажды, что он переехал в Париж, где целиком погрузился в медицину, они никогда более уже не упоминали о нем: оказалось, что он совершенно отстранился от всего русского, отрекся от социализма и стал известным в Париже врачом, имеющим богатейшую практику ²⁾.

Совсем иным человеком, к тому же с противоположной «карьерой», был третий юноша — Людвиг Янович, впоследствии швейцарец, приехавший в Женеву, если память мне не изменяет, по настоянию встретившегося с ним где-то в России Финстера. Своей скромностью Янович сразу произвел на всех нас очень приятное впечатление. Много, помню, рассказывал

¹⁾ Между прочим, это его я имел в виду, сообщая в книге «16 лет в Сибири», что проф. Тун в местном собрании имел свидания с моими товарищами; он же поселился в доме насупротив тюрьмы, чтобы путем сигналов переговариваться со мною, и, наконец, его задержали на Фрейбургском вокзале в ночь увоза меня оттуда для выдачи русскому правительству.

²⁾ Бывая там, я с ним видался, но между нами нет ничего общего: это типичный реакционер по убеждениям и по психологии.

он о настроении революционной молодежи, сообщал о господствовавшем в ее среде разброде, о неоправдавшихся надеждах и разочарованиях передового общества, предсказывал успех нашему стремлению издавать социалистические произведения, в которых была огромная потребность в России, но говорил, что для этого необходимо отправить туда кого-либо покрупнее Финстера,—тогда, по его словам, мы могли иметь большой успех. Всего, что он нам сообщил, я, конечно, не помню. Янович явился для нас первым добрым вестником, лучом надежды, что наши усилия не пропадут напрасно. Понравилась нам также главная цель его приезда за границу—познакомиться с современным социализмом и с западно-европейским рабочим движением, за изучение чего он вплотную принялся. Также обрадовало нас его обещание оказать нам материальную поддержку в указанный им срок. И, действительно, через полгода он прислал несколько сот рублей, которые получил от состоятельных родных: в этом, как и в других отношениях, Янович оказался одним из очень немногих, сдержавших свое обещание.

IV.

Раньше его приезда и, кажется, еще до того, как мы делегировали Финстера, к нам однажды заявила с хорошей рекомендацией изящная, очень милостивая девушка, двадцати—двадцати одного года—Варвара Ивановна Бородаевская, собиравшаяся чуть ли не на следующий же день обратно в Петербург.

Стремясь, как я уже упомянул, использовать каждого возвращавшегося в Россию, мы выразили сожаление по поводу того, что она так поздно явилась к нам, иначе мы попросили бы ее оказать нам услугу, для подготовки которой требуется несколько дней. Милая барышня, несмотря на имевшееся у нее очень «спешное дело», согласилась остаться до указанного нами срока, когда переплетчик мог заделать в имевшиеся у нее ноты, альбомы, гравюры и пр. по несколько экземпляров наших изданий. А пока это совершалось, мы занялись «просвещением» симпатичной и, конечно, очень отзывчивой молодой девушки, впервые от нас услышавшей о занимавших нас вопросах,—до встречи с нами она жила на Ривьере, в Ницце, Италии вместе со своей подружкой, графиней Рейбиндер; словом, среди богатой и родовитой вояжерской публики. Но в Петербурге, по ее рас-

сказам, она вращалась среди литераторов, и лучшим ее другом или женихом,—в точности не помню,—был А. С. Пругавин, втянувший и ее в изучение раскола. В столице у нее были многочисленные и разнообразные связи, знакомства, и нам она могла оказать значительную помощь.

Как внешностью, манерами и рассказами, так и своей готовностью подвергнуться риску, перевоза наши издания, а также обещаниями быть нам и впредь полезной, Бородаевская очень всем понравилась. Повидимому, и мы произвели на нее благоприятное впечатление. Несмотря на резкий контраст, получавшийся при сравнении убогих условий нашей жизни с теми, в которых она вращалась, ее, однако, что-то привлекало к нам; она ежедневно просиживала у нас часами, внимательно расспрашивала о наших взглядах, задачах и пр. Узнав о затруднительном нашем материальном положении, эта симпатичная девушка обещала сделать все, от нее зависящее, чтобы вскоре по приезду в Петербург прислать нам некоторые суммы: сама она не располагала средствами, но, имея обширные связи, не сомневалась в том, что ей удастся раздобыть для столь полезных, как наши произведения, несколько тысяч,—может быть, и больше, но она не желала подать излишних надежд, чтобы потом у нас не было разочарования и недовольства, но за 4—5 тысяч она почти может ручаться.

Мы, как говорится, уши развесили,—готовы были благословлять судьбу за то, что, сжалившись над нами, она послала нам добрую фею в лице прелестной юной девушки с черными волосами, правильными чертами и смуглым цветом кожи.

Долго затем наша адептка сама уже откладывала день своего отъезда, чтобы понабирать у нас побольше всяких подпольных премудростей; наконец, она собралась в дорогу, свернув, однако, в Дюрих, чтобы там познакомиться еще и с Павлом Борисовичем Аксельродом.

После ее отъезда Георгий Валентинович с иронической, схищной улыбкой спросил меня, сколько, по моему мнению, денег придет Бородаевская. Отгадав смысл этого вопроса, я сказал, что несколько десятков рублей. «Нет,—воскликнул он с большим изумлением,—наверно, несколько сот!» Как тотчас же выяснилось, он предполагал, задавая этот вопрос, что я скажу тысячу или больше, что он собирался оспаривать, почему и был удивлен, услышав о десятках. Я, таким образом, лишил его воз-

возможности посмеяться по поводу моего будто бы увлечения красивой барышней, а потому и преувеличенных моих надежд.

Впоследствии оказалось, что девица, не желавшая обещанием больших сумм разочаровать нас, все же обманула даже мои совсем уже скромные ожидания, так как она вовсе ничего не присылала и никаких «связей» не доставила, ограничившись лишь одной открыткой с каким-то видом, в которой уведомила о благополучном своем приезде.

Я не сомневался в ее добрых и искренних намерениях все свои обещания исполнить, но, когда она очутилась в кругу знакомых литераторов, то подпала под их влияние, а они, узнав о наших взглядах, понятно, не отнеслись к ним сочувственно.

Плеханов потом много острил по поводу нашего легковерия. Тем не менее, несмотря на вполне напрасно потерянное всеми нами и мною в особенности время на беседы с этой барышней, мы не были на нее в претензии, так как в первые недели возникновения нашей группы, когда мы были окружены враждебной атмосферой, симпатичная девушка своим внешним видом, сочувственным отношением и обещаниями всевозможных благ все же внесла в нашу полную всяких лишений жизнь разные надежды ¹⁾.

V.

Как уже было мною сообщено в прошлом очерке ²⁾, года за полтора до описываемого здесь времени я пришел к заключению, что народовольчество отживает свой недолгий век и наступает благоприятный для нас, марксистов, период. Мне казалось, что неизбежным следствием надвигавшейся тяжелой реакции в России явится увеличение притока соотечественников за границу, а вместе с этим, как это было уже в начале 70-х гг., вновь усилится роль «заграницы»; она снова превратится в источник, из которого опять начнут черпать свою теоретическую и практическую подготовку новые нарождающиеся революцион-

¹⁾ В 1919 г. я встретился в Петрограде с Бородаевской-Язевич, ставшей совершенно неузнаваемой старухой и довольно известной исследовательницей раскола. Вскоре затем она скончалась от нужды и лишений, — я подробно сообщил о ней в «Вестнике Литературы».

²⁾ См. «О сближении и разрыве», «Прол. Рев.» № 8 (20), 1923 г.

ные кадры. Я только не думал, что эти мои предположения так скоро осуществляются, как это произошло.

Уже осенью того же знаменательного года оказался небывалый приток из России учащейся молодежи во все университетские города Швейцарии, что вызвано было закрытием медицинских курсов в Петербурге. К этим жаждавшим знаний девицам вскоре присоединились многие евреи, вследствие ограничения приема их в учебные заведения.

До возникновения нашей группы эмигранты почти вовсе не обращали внимания на учившуюся в западно-европейских городах русскую молодежь, так как последняя вообще не интересовалась «политикой» и в большинстве своем избегала революционеров из опасения скомпрометироваться. К тому же эмигранты тогда не представляли для нее никакого живого интереса. Поэтому, за редкими исключениями, как учащиеся, так и изгнанники жили своими замкнутыми кружками: на проходившие у нас рефераты и лекции являлось только по два—три лично знакомых с кем-либо из нас студентов и студенток; преобладавшее же большинство их никогда не посещало наших собраний. Господствовавший среди эмигрантов взгляд на учившуюся за границей молодежь был крайне отрицательный: многие считали, что туда отправляется наиболее консервативный, добывающийся лишь карьеры элемент, на который не стоит обращать внимания. Только с возникновением группы «Освобождение Труда» изменился этот несправедливый взгляд на заграничную учащуюся молодежь.

Почти с первых же дней мы решили стараться, по возможности, привлечь на свою сторону учащихся. Для этого мы надумали прочитать ряд лекций, сперва в Женеве, где жило большинство из нас, затем и в других университетских городах. Так как учащиеся обыкновенно не знали ни о времени, ни о месте, где происходили подобные собрания, устраиваемые эмигрантами, потому что о них нигде не публиковалось, то впервые мы стали вывешивать в университете и в студенческих кухмистерских объявления о предстоящих в наших эмигрантских собраниях рефератах.

Наши ожидания почти сразу оправдались: уже на первую лекцию, прочитанную старым Н. И. Жуковским, участником движения начала 60-х г.г., об этом отдаленном времени, явилось больше, чем прежде, студентов и студенток.

После него Вера Ивановна Засулич, как привлекавшаяся по Нечаевскому делу, должна была сообщить о нем, но, ввиду собравшейся еще более многочисленной публики, она, — и без того крайне застенчивая, — до того сконфузилась, что не в состоянии была произнести ни слова, — лекция ее так и не состоялась.

Следующим докладчиком был С. М. Кравчинский (Степняк), рассказавший о возникновении и деятельности общества «чайковцев», в число членов которого он входил. Его выступление сошло довольно удачно. В один из дальнейших вечеров я рассказал о революционном движении на юге — о бунтарях, Чигиринском деле и первых террористических актах; публика, по видимому, нашла мои сообщения небезынтересными. Но рекорд побил Г. В. Плеханов.

В ряде обстоятельных лекций, потребовавших четыре вечера, он подробно изложил всю историю общества «Земля и Воля». После первого же его выступления слух об изумительно интересной, захватывающей слушателей лекции его распространился по другим швейцарским городам, а поэтому на следующие его доклады специально приехали некоторые учащиеся из Берна и др. городов. Был такой наплыв слушателей, какого до того никогда не видали в Швейцарии. В конце последнего его доклада произошел довольно неприятный инцидент.

Драгоманов со своими приверженцами, вследствие разных столкновений со всей почти русско-польской эмиграцией, прервал с последней всякие сношения и в течение без малого трех лет не посещал наших собраний. Но слух о невероятном успехе докладов Плеханова привлек и его. Из присущего Драгоманову враждебного отношения ко всем русским революционерам, а также, вероятно, вследствие недовольства, что Георгий Валентинович, видимо, привлек на свою сторону общие симпатии, он по окончании последней лекции попросил слова. Похвалив сперва форму и общее содержание всех докладов, Драгоманов, очевидно, с целью подорвать доверие к объективности лектора, задал Плеханову ряд ехидных вопросов. Но вдруг председатель собрания — нервный и эксцентричный Н. И. Жуковский — вскочив, заявил, что Драгоманов своими вопросами провоцирует докладчика. Поднялся сильнейший скандал, — потребовали смену председателя. С трудом удалось установить порядок. Получивший затем для ответа слово Георгий Валентинович в высшей степени тактично и умело, нисколько не задевая Драгоманова, возразил

ему, чем еще более увеличил превосходное впечатление и без того произведенное его лекциями.

В течение нескольких недель потом только и разговора было, что об его лекциях. Молодежь была в полном восторге, совершенно очарована Плехановым. Успех получился колоссальный, благодаря чему фонды наши сильно поднялись. Георгия Валентиновича стали усиленно приглашать для прочтения рефератов в другие города — в Берн, Цюрих, — но, обремененный массой литературных занятий, он не мог вскоре исполнить этих просьб.

Мы, конечно, старались, насколько было возможно, утилизировать создавшееся благоприятное отношение к нам молодежи.

* * *

Тогда минуло ровно десять лет с тех пор, как учившаяся в Цюрихе в начале 70-х г.г. русская молодежь, сблизившись с эмигрантами и набравшись всяких социалистических взглядов, образовывала революционные кружки, которые, как известно, возвращались затем в Россию, где уходили в народ.

Но об этом изумительном периоде в 1883 г. даже старые эмигранты уже забыли. Только мы вспомнили о том времени: мы также надумали создать за границей кружки, но не наспех, не отрывая их от высших учебных заведений, а постепенно подготавливая их к деятельности в будущем, в качестве вполне сознательных, убежденных марксистов.

Во время лекции Плеханова мы познакомимся с наиболее развитыми и интересовавшимися социализмом представителями, вернее, представительницами съехавшейся из других городов молодежи, которым предложили, по возвращении в свои учебные заведения, образовать среди слушателей кружки саморазвития, обещав оказывать в этом необходимое содействие.

Мысль эта очень понравилась и вскоре была осуществлена. Мы выработали программу занятий, указали соответствующую литературу и пр. Но, кроме теоретической подготовки, мы также советовали членам этих кружков оказывать по возможности и непосредственное содействие нашему направлению как распространением марксистской литературы, пользуясь для этого всякой представлявшейся возможностью, так и сборами средств, путем устройства платных лекций, концертов и т. п.

Я привел лишь в самых общих чертах надуманный нами план привлечения учащейся за границей молодежи в так назы-

ваемые «кружки содействия». Впоследствии, как известно, не только в швейцарских городах, но повсюду в Западной Европе возникли сети этих организаций, которые продержались в течение нескольких десятилетий, вплоть до февральской революции. Считаю поэтому излишним распространяться о том, какую огромную роль сыграли заграничные кружки содействия в нашем освободительном движении,—об этом хорошо известно всем сколько-нибудь причастным к революции людям, но далеко не все знают, что начало этим организациям положено было впервые группой «Освобождение Труда» зимой 1883—1884 г.г.

Из возникших тогда кружков наибольшую пользу оказали нам цюрихский и бернский кружки. Первый возник по инициативе и под непосредственным воздействием П. Б. Аксельрода, жившего, как известно, в этом городе и пользовавшегося огромным авторитетом в русской колонии.

Не обладая ораторскими способностями, П. Б., тем не менее, с ранних, юношеских лет умел, как немногие, более его одаренные красноречием люди, влиять устным словом в тесных кружках и на отдельных лиц. Он брал—и теперь, вероятно, продолжает¹⁾—слушателя убежденностью, искренностью, правдивостью высказываемых им взглядов. То, что он признавал правильным и полезным знать другому, он всегда умел передать так просто, живо, интересно и вместе углубленно, что редко находились у него оппоненты, серьезные противники. В этом отношении, как пропагандист, Аксельрод всегда являлся неопенимым человеком; роль его поэтому в нашем,—как отчасти, и в западно-европейском,—социалистическом движении очень значительна.

Созданный им в начале 80-х г.г. кружок состоял,—насколько могу припомнить,—не только из учащейся молодежи, но и из наехавших туда эмигрантов. В числе последних была, между прочим, неизвестная Фелиция Шефтель, участница демонстрации на Казанской площади в 1876 г. Вместе с мужем, также поселенцем, ей удалось бежать из гиблого Березова, в котором они провели несколько лет.

Кроме этих, так сказать, обстреленных уже членов, в состав цюрихского кружка входило еще несколько уже бывалых социалистов, имевших «революционный стаж». Мы, таким образом,

¹⁾ Я не видел его в течение 13 лет уже.

в лице членов этой группы сразу приобрели довольно сознательных единомышленников и товарищей, которые, помню, горячо стремились содействовать успеху поставленных нами себе задач. Они старались измышлять разные способы, как раздобыть требовавшиеся нам, относительно, большие средства, кого делегировать от их в Россию, — уехавший Финстер входил в эту группу, — с кем и как отправлять побольше наших изданий в Россию и т. д. Мы, кажется, наметили двух—трех человек из этого кружка в качестве кандидатов в члены группы «Освобождение Труда».

В другом роде был тогда бернский кружок, во главе которого стояла местная студентка Вера Семеновна Иванова, с которой мы познакомились на лекциях Плеханова.

Очень искренняя, прямая, энергичная, эта студентка быстро приобрела среди товарок уважение и огромное влияние: она являлась между ними чем-то вроде командира. Все в ее кружке, состоявшем преимущественно из женщин — и, кажется, только из одного студента — находилось под ее влиянием.

Лишь незадолго до нашего с нею знакомства она впервые заинтересовалась социализмом и, как человек настойчивый, упорный, серьезно принялась за ознакомление с этим учением, не оставляя, однако, в стороне и медицинских своих занятий. Сочлены ее последовали ее примеру. В смысле теоретического развития этот кружок, несомненно, стоял значительно ниже цюрихского, но конкретно, добыванием материальных средств, — благодаря главным образом энергии Веры Ивановой, — бернские студентки, помнится мне, оказались полезнее.

В Берне же в описываемое время жила Анна Марковна Макаревич-Кулешова ¹⁾, бывшая, как и мы с В. И. Засулич, в середине 70-х г.г. членом кружка «Киевских бунтарей». Эмигрировав вскоре затем за границу, она, благодаря выдающимся своим способностям, ораторскому искусству и красивой внешности, быстро приобрела большую известность во многих западноевропейских странах. Как прекрасная агитаторша, свободно владевшая несколькими языками, Кулешова имела среди масс огромный успех, за что несколько раз подвергалась арестам в Париже и в Италии. Как и все русские революционеры в те времена, она по воззрениям являлась анархисткой, но не

¹⁾ Урожденная Розенштейн.

сколько лет спустя, под влиянием разных личных обстоятельств, видимо, разочаровалась в целесообразности своей агитации и, посоветовавшись со мною, поступила в Берне на медицинский факультет. Она также приехала в Женеву на лекцию Плеханова и тоже была им очарована.

Нам, старым ее друзьям, оказалось не трудным привлечь ее на свою сторону: очень умная, изумительно богато одаренная от природы, Кулешова вскоре затем стала сознательной, убежденной марксисткой. Мы привлекли ее в число членов нашей группы, которой она оказала много ценных услуг, но еще неизмеримо большую пользу принесла Кулешова Италии.

Окончив медицинский факультет по настоянию врачей, ввиду состояния ее здоровья, не в Берне, а в Милане, Кулешова занялась там проповедью марксизма: до этого все итальянские революционеры были анархистами. Под влиянием Кулешовой стали марксистами наиболее выдающиеся представители итальянской молодежи, в числе которой, между прочим, оказался Турати, впоследствии известный лидер итальянских оппортунистов. К сожалению, Кулешова, ставшая его женой, также заняла эту ошибочную позицию.

VI.

Без малейших преувеличений можно сказать, что идейное и моральное влияние вновь появившейся группы «Освобождение Труда» росло если не по дням и часам, то с каждым месяцем. Это сказывалось по многим признакам и фактам. К насмешливому, ироническому отношению некоторых старых «почтенных» эмигрантов присоединилось тревожное, трусливое и заискивающее: они как бы чувствовали, что надвигается опасность, развигается ненавистное им, как анархистам, народникам, народолюбцам и ткачовцам, марксистское направление, которое, чего доброго, действительно поведет за собою новое поколение. Они поэтому сочли необходимым начать борьбу с группой «Освобождение Труда» на идейной арене.

Единственно сколько-нибудь, как говорится, «вязавший лыко», умевший поговорить, поспорить и вместе пользовавшийся общим почетом не только среди русских, но также и между французами лицом, был не раз уже упоминавшийся Жуковский.

Очень умный и от природы одаренный человек, сангвиничный, подвижной, Николай Иванович обладал способностью обо всем решительно говорить с апломбом, почему и считался превосходным оратором и полемистом ¹⁾. Его-то наши противники уговорили выступить против нас с рефератом. Тема, докладчик, а также предположение, что с нашей стороны в качестве оппонента явится Плеханов, привлекли много публики, ожидавшей горячей схватки.

Усевшись на видном месте и разложив на столике принесенную связку книг и бумагу, Плеханов вооружился карандашом и устремил взгляд на докладчика: было очевидно, что он решил внимательно следить за лекцией. «Жук», как все звали Николая Ивановича, хорошо знавший острый язык Плеханова, от которого ему не раз в сильнейшей степени доставалось, а также его колоссальную эрудицию и, наоборот, свои крайне ограниченные знания, видимо растерялся, сробел; затем, вместо жестокой разности, стал рассыпаться в похвалах по адресу Маркса и его последователей. Публика была в полном недоумении. По окончании доклада, не вызвавшего никаких возражений со стороны Плеханова, послышались выражения негодования и возмущения по поводу явной измены из-за трусости столь отважного до этого полемиста. А тут к тому же Георгий Валентинович начал иронизировать, говоря: «вышло совсем, как с Мальбруком, собравшимся в поход, — чего же это вы, Н. И., вместо обещанного опровержения стали вдруг нас расхваливать?».

— Да что с вами поделаешь: вижу, вы разложили книги, бумагу, — значит может произойти битва русских с кабарддцами, ну, я и изменил намерение, — признался самый сильный столп эмиграции.

Таким образом, вместо обещанного всем «поражения марксистов», получилась явная боязнь их затронуть. С этих пор никто из женеvских полемистов уже не пытался вступить в открытый бой с Плехановым, но, как нам сообщали, некоторые «почтенные» эмигранты стали приглашать молодежь на частные, закрытые совещания, на которых вполне распоясывались, разнося отсутствовавших ненавистных марксистов. Понятно, что в глазах

¹⁾ См. о нем в моей брошюре «Русские революционные эмигранты», Петроград, 1920.

сколько-нибудь благоразумных и беспристрастных людей такими приемами немного выигрывали эмигрантские «полемисты».

Между тем, Плеханов, одержав не мало блестящих побед в Женеве, направился, наконец, в турнэ по Швейцарии. Он побывал в Берне и Цюрихе, где имел столь же колоссальный успех, как и в Женеве: молодежь не находила слов для выражения своего восторга, но и пожилые люди заявляли, что им никогда еще не приходилось слышать такого талантливого, остроумного и находчивого лектора и полемиста.

Я должен еще отметить, что, насколько могу припомнить, это турнэ было чуть ли не первым в то время,—до этого никто другой не предпринимал поездок в другие города с лекциями. Потом, как известно, такие посещения иногородних стали обычным приемом за границей и имели огромное влияние на развитие нашего революционного движения, в особенности после возникновения (в 1901 году) знаменитой «Искры». Но возвратимся к первым шагам группы «Освобождение Труда».

Несомненный успех, которого не могли не признавать даже заклятые наши враги, однако, в очень слабой степени влиял на улучшение наших материальных условий: мы все же терпели большую нужду, с трудом изворачивались, занимая и «перехватывая», где представлялась возможность, в надежде, что вдруг откуда-нибудь явится к нам человек, который за наши заслуги отсчитает нужную нам сумму. Правда, никто из нас не уподоблялся Фурье, назначившему, как известно, часы, когда он ожидал такого посетителя, все же случалось, что, встретив вблизи своей квартиры прилично одетого человека,—признавался нам Георгий Валентинович,—он подумывал: а вдруг этот господин идет к нам с тем, чтобы отсчитать изрядную сумму: «вот, мол, берите и пишите, просвещайте нашу публику,—дело ваше верное!».

Мы много смеялись по поводу таких его выдумок, но в душе все же допускали,—чем черт не шутит, почему и не явиться такому чудаку?

Он, действительно, явился, но не отсчитал «изрядной суммы», а следовательно, и не благословил Плеханова на избранном им новом пути. Это был очень богатый помещик, большой чудака, написавший обширнейшую книгу, которая представляла бессвязную смесь из всех областей знаний. Вот это-то курьезное произведение очевидный графоман вместо денег предложил

Георгию Валентиновичу для «Библиотеки Современного Социализма», что, конечно, под деликатными предложениями Плеханов отклонил.

Только несколько лет спустя, — уже когда я давно находился на Каре, — нашлись целых два «мецената», снабдившие Георгия Валентиновича средствами на издание сборника и журнала «Социал-Демократ», а при мне больше являлись лица с намерениями и обещаниями снабдить нас средствами.

Все же, несмотря на вечно постигавшие нас разочарования и бывшее тогда у нас поэтому «хроническое безденежье», подчас вызывавшее неприятные ощущения, в общем все мы, женовцы, в особенности Георгий Валентинович, чувствовали себя совсем недурно. Он, по обыкновению, вечно сыпал остротами, заставляя других покатываться со смеха, когда всякому другому на его месте было бы совсем не до шуток.

При и без того крайне тяжелых материальных условиях и полной необеспеченности семья его в то время еще увеличилась появлением на свет второй дочери ¹⁾. Ввиду маленькой, тесной квартирki это приращение не являлось особенно удобным обстоятельством, так как плач младенца не мог способствовать серьезным, умственным занятиям Георгия Валентиновича, даже при его привычке к ним. Поэтому он иногда приходил ко мне со своей книгой, но, несмотря на присущую ему «дисциплину», мы все же пускались в беседы. Тем не менее, и при этих неблагоприятных условиях Георгий Валентинович успевал много делать.

Кроме всяких выступлений на собраниях, переговоров и хлопот, связанных как с задачами нашей группы, так и с обеспечением семьи, Плеханов в описываемое время готовил статью для «Юридического Вестника» и две брошюры для «Библиотеки Современного Социализма»: одну по еврейскому вопросу, а другая должна была явиться популяризацией «Капитала». Тогда же он усиленно занимался английским языком и по обыкновению много читал по разным отраслям знаний. Не мало также времени отнимали у него мы с Верой Ивановной, приходившие ежедневно к Плехановым обедать, после чего неизменно часа два, а то и больше, проводившие в беседах и спорах, иногда довольно горячих, по различным вопросам, всегда, однако, мирно кончавшихся.

¹⁾ Ее, к слову, называли, по революционному моему псевдониму, Евгенией.

Был, впрочем, в описываемое время один случай, когда я с Георгием Валентиновичем довольно серьезно повздорил, после чего дулись друг на друга в течение нескольких дней, и понадобилось вмешательство Розалии Марковны для нашего примирения, — о причине этой размолвки сообщу ниже.

Но еще куда неприятнее и безнадежнее было тогда положение другого редактора «Библиотеки Современного Социализма», П. Б. Аксельрода: семья у него была еще многочисленнее, а ресурсов и видов меньше, чем у Плеханова. Эти тяжелые условия в сильной степени отражались на его настроении и трудоспособности, что, в свою очередь, оказывало неблагоприятное влияние на результаты его занятий.

Задумал П. Б. Аксельрод написать для рабочих брошюру «Что такое социализм», но она долго ему не давалась главным образом вследствие только что указанных причин, но также и потому, что у него не было привычки писать популярно, да он и вообще не легко справлялся с писаниями. Как бы то ни было, когда присланную им рукопись названной брошюры мы прочитали вслух, то единогласно нашли ее неудовлетворительной. Пришлось поэтому отправить ее обратно ему с указаниями необходимых в ней изменений и поправок, хотя мы и знали, что это его очень огорчит. Вновь полученная в исправленном виде брошюра все же имела еще не мало изъянов, и в таком виде ее нельзя было отдать в набор, почему мы вторично возвратили ее, что привело П. Б. чуть не в отчаяние.

Между тем, вследствие этих проволочек, наша типография оставалась без материала, наборщики нуждались в рукописях, о чем, конечно, знал П. Б., и что, понятно, его крайне расстраивало. Получалось очень тяжелое положение. У нас вообще было недостаточно литературных сил, как, впрочем, и исполнителей всяких других необходимых для группы функций.

Единственным заправским, к тому же уже тогда выдающимся по таланту и эрудиции писателем являлся только Георгий Валентинович. При других условиях он один был бы в состоянии снабжать достаточным количеством рукописей нашу небольшую наборню, но, как я уже сообщил, его дергали в разные стороны, отрывали от литературных и других работ, да, кроме того, в то время у него еще не было, употребляя его же выражение, «писательского ража», и он не особенно охотно брался за перо, предпочитая возможно больше времени посвящать теоретическим

занятиям: только несколько лет спустя, набравшись достаточных знаний, у него явилась способность и охота быстро справляться с той или иной задуманной им темой, «не готовясь к ней, как к диссертации».

Вера Ивановна, вследствие присущей ей скромности и застенчивости, еще не решалась браться за самостоятельную литературную работу и довольствовалась переводной работой. Но, помнится мне, уже тогда Георгий Валентинович склонил ее приняться за изучение истории Интернационала с тем, чтобы написать о нем популярную книжку, что, как известно, она, по независящим от нее обстоятельствам, лишь отчасти исполнила.

От сильно тогда разболевшегося В. Н. Игнатова, взявшегося, было, также за компиляцию, нечего было требовать скорой присылки рукописи. А я, если бы даже являлся «литературной силой», то и тогда не мог бы ничего написать, потому что был занят всякой кропотливой, скучной технической возней и заботой, словом, был «и швец, и жнец, и на дуде игрец», а Анна Марковна Кулешова занята была целиком медициной. Все сознавали, что необходимо увеличить число членов нашей группы, что мы охотно сделали бы, но нигде за границей не было ни единого, сколько-нибудь подходившего для этого, согласного с нашими воззрениями кандидата. Мы до такой степени являлись поэтому снисходительными, нетребовательными, что, несмотря на имевшееся у Георгия Валентиновича представление о С. М. Кравчинском, как «о чем-то вроде прудониста»¹⁾, он, однако, согласился на мое предложение привлечь Степняка в нашу группу; но, как я уже сообщил в посвященной мною ему брошюре, Кравчинский от этого отказался, заявив, что хочет остаться «ни в тех, ни в сех, — быть вольным казаком». К слову, С. Кравчинский и жена его Фанни Марковна являлись единственной во всей эмиграции четой, довольно сочувственно относившейся к нашему выступлению и навсегда оставшейся со всеми нами в самых дружеских отношениях²⁾.

Но вдруг зимой все того же знаменательного года приехала в Швейцарию освобожденная, кажется, из краковской или из

¹⁾ См. его письмо к Лаврову, № 12.

²⁾ Как будет видно из переписки с ними Веры Ивановны и Георгия Валентиновича, исключительно благодаря во-время оказанной Степняком значительной материальной поддержки в конце 80-х г.г. удалось спасти Плеханова от грозившей ему смерти.

львовской тюрьмы, очень милостивая, умная и образованная бывшая петербургская курсистка, подруга Розалии Марковны, — Ванда Цезарина Войнаровская.

Познакомившись с нею, Георгий Валентинович нашел ее наделенной исключительными свойствами: обладающей большими теоретическими интересами, в особенности к научному социализму, значительным развитием, умом, тактом и пр. Ввиду всех этих ее добродетелей, он настаивал на том, чтобы мы предложили ей вступить в нашу группу. Но я и Вера Ивановна, лишь изредка встречаясь с этой белокурой красавицей и не вступив с ней ни разу в беседу, тем не менее, вовсе не приходили в восторг от ее ума, развития и характера: нам она казалась не совсем правдивой, искренней, что мы и высказали обоим Плехановым, так как Розалия Марковна также, помнится мне, чрезвычайно расхваливала свою сокурсницу. Георгия Валентиновича, знавшего, что Вера Ивановна и я совсем незнакомы с Войнаровской, рассердило наше отрицательное отношение к предложенной им кандидатуре. Вот по этому-то поводу и произошла у нас упомянутая выше размолвка, после которой я согласился, что раньше произнесения своего окончательного мнения о кандидатуре Войнаровской мне необходимо ближе с нею познакомиться, но, ввиду нижеследующего, мне это не удалось ³⁾.

VII.

Выше я только упомянул о нашей типографии, но ничего не сообщил ни об ее устройстве, ни о работавших в ней лицах. Между тем, и в этом отношении нами были введены некоторые новшества, приемы, не применявшиеся в существовавших раньше за границей русских типографиях.

Издание всякого русского произведения там обходилось значительно дороже, чем таких же размеров рукописи на каком-либо западно-европейском языке, что обуславливалось в полутора раза большей платой, которую получали наборщики за набор

¹⁾ Забегая вперед, скажу здесь, что уже без меня она была принята, однако оказалась совсем неподходящим для группы «Освобождение Труда» членом. Побыв некоторое время с моими друзьями, она перешла к польским социал-демократам, где заняла выдающееся положение, являясь представительницей их в Интернационале.

славянского манускрипта. Вместе с тем наборщики во всех русских типографиях за границей являлись наемными рабочими, поставленными во всех отношениях в условия, тождественные с существовавшими в промышленных предприятиях: они обязаны были набирать все, что им приказывали, конечно, не имели права подавать свои голоса за или против поступившей к ним рукописи и т. д.

У нас наборщики являлись нашими товарищами-единомышленниками, работавшими по убеждению, принимавшими участие в обсуждении всех решительно связанных с судьбой нашей группы вопросов. Будучи фактически членами ее, они, понятно, не должны были находиться в значительно более привилегированном положении, чем мы, остальные участники — редакторы, сотрудники и т. д. Между тем, получая по высокому тарифу за славянскую рукопись, хороший наборщик мог, в среднем, заработать в месяц 250 — 300 фр., а то и больше; в это же время автору набранных ими произведений едва ли удавалось раздобыть всякими посторонними способами половину этих средств, а то и значительно меньше, так как издавна установился за границей странный взгляд, будто революционер за нелегальную литературу не должен получать гонорара. Случалось иногда, что сам же автор платил по полуторному тарифу за набор своего произведения, и в то время, когда он с семьей буквально голодал, наборщики имели от этого бедняка очень значительный заработок.

Кажется, впервые мы, марксисты, ввели некоторое приближение литературной работы к типографскому труду: мы перестали платить наборщикам по повышенному тарифу, а предлагали им довольствоваться прожиточным минимумом, т.-е. они получали 75—80, а то и по 100 фр. в месяц, — смотря по состоянию наших средств, независимо от того, были ли они заняты все время или нет. Но тогда же мы стали и авторам давать определенную полистную плату (помнится мне, по 75 фр. за лист самостоятельного произведения и по 25 фр. за перевод).

После введения этой реформы, еще при моем заведывании первой типографией, у нас решительно никаких недоразумений и неудовольствий с наборщиками не происходило, что вполне естественно, ввиду того, как я уже упомянул, что они являлись нашими единомышленниками. Скажу здесь о каждом из них по несколько слов.

Первым наборщиком, приглашенным мною в оборудованную для народовольцев типографию, принадлежавшей раньше группе «Община», был мой товарищ по южному бунтарскому кружку и Чигиринскому делу — И. В. Бохановский, которого вместе со мною и Стефановичем, как известно, М. Ф. Фроленко вывел из тюрьмы, после чего мы втроем уехали за границу. Когда мы, бывшие чернопередельцы, еобирались сообща с народовольцами издавать «Вестник Народной Воли», для чего требовалось увеличить число наборщиков, я, при посредстве П. Б. Аксельрода, пригласил к нам в Женеву эмигрировавших тогда в Цюрих бывших наборщиков находившейся в Минске подпольной типографии «Черного Передела» — Гецова и Левкова. Но, когда, вследствие несостоявшегося нашего присоединения к народовольцам, мы решили обзавестись собственной наборней, то Левков пожелал работать с нами, а Гецов — с народовольцами.

О своем прошлом, а также этого товарища, довольно подробно сообщает Гецов в интересных воспоминаниях. Мне остается только прибавить здесь, что Левков, избравший себе часто попадающийся на изданиях «Библиотеки Современного Социализма» и в переписке членов нашей группы псевдоним «Рольник», был очень деликатным, отзывчивым и идейно преданным членом. Он довольно хорошо разбирался в марксизме, принимал близко к сердцу интересы нашей группы и, насколько это было возможно, стремился соблюдать экономию. Хотя, как наборщику, получавшему месячный оклад, ему, в сущности, были выгодны нередко случавшиеся перерывы в работе вследствие неполучений своевременно рукописей, его, наоборот, такие «каникулы» всегда чрезвычайно огорчали, и он напоминал мне, чтобы я понуждал авторов торопиться с присылкой их произведений. Затем, при происходивших у нас «хронических безденежьях», Рольник ни единым словом не выражал мне ни малейшего недовольства и вместе со всеми нами терпеливо переносил сопряженные с этим лишения. Словом, повторяю, он являлся не просто наборщиком, а хорошим, сознательным товарищем, с которым у нас установились вполне приятельские отношения.

Также и Гецов, оставшийся в типографии «Вестника Народной Воли», идейно примыкал к нам, и в течение всей дальнейшей своей жизни, вплоть до настоящего времени, остается убежденным марксистом, членом социал-демократической партии в Америке, где он проживает в течение 30-ти с чем-то лет (в Нью-Йорке).

О третьем работнике, вышедшем из находившейся в Минске чернопередельческой типографии — Гриффесте или Финстере я уже выше сообщил, что он также целиком примкнул к нам; затем, вернувшись обратно в Швейцарию, он тоже вступил в местную социал-демократическую партию, неизменным членом которой остался вплоть до своей смерти, наступившей в начале настоящего столетия (в Цюрихе).

Как видим, не только все пять основателей группы «Освобождение Труда», но и наборщики ее, а также первый делегат, отправившийся от нас в Россию, являлись бывшими чернопередельцами. Следовательно, все функции, связанные с деятельностью нашей первой марксистской группы, исполняли лица, раньше входившие в названную народническую организацию. «Этого, — говорил Плеханов, — не следует упускать из виду тем, которые утверждают, будто «Черный Передел» не оставил после себя никаких следов».

* * *

Обратимся теперь к давно уехавшему в Россию с важной миссией Финстеру. Насколько могу припомнить, не скоро стал он подавать о себе вести, что, понятно, нас сильно тревожило, но, как затем оказалось, это было неизбежно по разным причинам.

Уже из первого его письма явствовало, что он вполне оправдывал имевшиеся у нас насчет его поездки надежды. Подробно описанные им встречи, беседы и впечатления совершенно совпадали с рассказами Яновича и других приезжих. Но, главное, оказывалось, что некоторые из его новых знакомых заинтересовались нашей группой и, видимо, готовы были поддержать ее. Финстер сетовал на то, что у него не было достаточного количества наших первых произведений, чтобы раздавать хотя бы по одному экземпляру на каждый из посещенных им городов. Он сообщал, что, вообще, замечается увеличение интереса к загранице и, в частности, к издаваемым нами произведениям, так как многие все более и более разочаровываются в народолюбстве. Нашлись поэтому не только отдельные лица, но и небольшие кружки, соглашавшиеся взять на себя оплату довольно значительных расходов, связанных с изданиями, а в особенности, с дорогой контрабандной переправкой наших произведений: его снабдили средствами для организации пути, и ему это удалось осуществить. Остановка оказывалась только за получением от нас транспорта.

Он поэтому просил как можно скорее отправить его, так как, по его словам, от этого зависел весь успех нашего дела. Провал небольшого транспорта наших изданий, отправленного Кенигсбергским студентом Городищей, — о чем я уже выше сообщил, — по словам Финстера, причинил ему много огорчений; ввиду этого он настоятельно просил меня позаботиться, чтобы эту вторую отправку изданий вновь не постигла бы неудача.

Письмо это, конечно, чрезвычайно обрадовало всех нас. Но немедленно, как он настаивал, мы не могли исполнить его заказа, так как это было сопряжено с некоторыми расходами, а у нас в тот момент было почти полное безденежье; так, например, хорошо помню, что я не в состоянии был внести за квартиру, в которой помещалась типография, ничтожной платы, — в точности не помню ее размера, но, вероятно, не больше франков 20 — 25 (приблизительно 8 — 10 руб.).

Предстояло еще несколько настоятельных расходов и срочных взносов по займам; так, между прочим, для иллюстрации того, как нам приходилось изворачиваться, сообщу об одном из последних.

Как-то, еще осенью, когда мне были крайне необходимы деньги, я обратился письменно к моей приятельнице Анне Марковне Кулешовой с просьбой во что бы то ни стало достать такую-то сумму на определенный срок, хотя, повторяю, у нас никогда не было ни малейших шансов на выполнение таких обязательств, тем не менее, помню, мы ни разу не нарушили их. Кулешова ответила, что единственной для нее возможностью исполнить мою просьбу является заем у одной ее товарки, которая, собираясь скоро в Россию, как ей известно, хранит в неприкосновенности как раз требующуюся мне сумму. Моя приятельница поэтому спрашивала меня, могу ли я взять на себя обязательство вернуть полученные деньги, если буду предупрежден о предстоявшем отъезде этой студентки за столько-то дней, — в точности не помню сколько.

Вынужденный настоятельной необходимостью, я взял на себя это обязательство, хотя, повторяю, не имел решительно никаких впереди видов.

Проходили недели за неделями, а Кулешова ни словом не упоминала о наступающем сроке. Я поэтому совершенно забыл об этом грозном обязательстве, когда велед за требованием Финстера выслать ему большой транспорт книг, что было сопряжено с значительной затратой, я вдруг получил от Кулешовой письмо, выражавшее крайнее изумление по поводу моего мол-

чания относительно ее просьбы о возвращении следуемых денег: оказалось, что она передала об этом через Георгия Валентиновича, во время его пребывания в Берне, а он, будучи охвачен многочисленными впечатлениями, находясь в атмосфере возбужденной молодежи, при нескольких к тому же переездах из одного города в другой, совершенно выпустил из головы это важное поручение.

Я был этим сильно огорчен и, конечно, напустился на Г. В., который и без того признавал свою оплошность. Срок отправки денег предстоял чуть ли не через 4 — 5 дней, и все мои старания достать их не только в Женеве, но и в других городах, в которых у нас имелись единомышленники и сочувствовавшие нам лица, оказались совершенно тщетными. Я приходил чуть не в полное отчаяние, так как мне не хотелось поставить Кулешову в неловкое положение перед мало знакомой ей сокурсницей, которую к тому же родные за чем-то экстренным вызывали домой.

Между тем от Финстера вновь пришло письмо с еще более настойчивой просьбой поторопиться с присылкой изданий, так как на границе у него все уже налажено, и он ждет со дня на день транспорта. Понятна, полагаю, каждому затруднительность моего тогда положения.

В это время приехавший незадолго перед тем из Цюриха кенигсбергский студент Городище пришел мне несколько на помощь: он выразил готовность на свой счет перевезти наш транспорт через швейцарско-германскую границу, а сттуда отправить его по почте в указанный Финстером последний пункт на русской границе, на что требовалось приблизительно франков 150 — 200.

Это было очень любезно с его стороны; все же его предложение не выводило меня вполне из затруднительного положения: оставалась еще невозмещенная полученная мною через Кулешову сумма. Видя полную невозможность достать ее в Женеве, а также получить ее по письменным моим об этом просьбам из других городов, я решил поехать с транспортом, чтобы, будучи по пути в Берне, лично попытаться достать там требовавшиеся деньги для уезжавшей студентки, хотя на это у меня не было решительно никаких шансов.

Кроме этой цели, у меня было еще несколько причин, вследствие которых я считал нужным предпринять эту поездку. Между прочим, руководители выше упомянутых незадолго перед тем возникших в Берне в Цюрихе групп содействия давно уже про-

сили меня приехать к ним, чтобы познакомиться и потолковать со всеми их членами о задачах нашей организации, рассказать о русском революционном движении и т. п. Я и сам находил полезной мою поездку, так как после огромного идейного и морального посева, который сделал Георгий Валентинович своими выступлениями, мне казалось возможным собрать осязаемую, материальную жатву, и, как вскоре оказалось, я не ошибся. Были еще некоторые обстоятельства, требовавшие моей поездки.

В конце февраля я отправился в Берн с тем, чтобы, познакомившись с местной нашей группой, достать деньги и, расплатившись с сокурницей Кулешовой, поехать в Цюрих для скорейшей отправки транспорта.

Не только оправдались мои надежды, но я совершенно неожиданно получил, сверх нужной для возмещения займа суммы, еще довольно значительные относительно деньги. Сперва местная группа, которой я уже из Женевы сообщил о требовавшихся мне деньгах для расплаты, вручила мне сумму, превосходившую заем уезжавшей; потом, когда я посетил одну хорошую мою знакомую, большую приятельницу Кулешовой, она спросила меня, не нужны ли мне деньги, так как у нее имеется свободных несколько сот рублей, которые она тут же выложила на стол. Так как, уезжая из Женевы, я оставил Рольника с типографией, а также друзей своих — Плехановых и Веру Ивановну без всяких средств, я, конечно, обрадовался этому совершенно неожиданному предложению, но прежде чем принять его, спросил, когда должен буду возвратить эти деньги. Она сказала, что могу пользоваться ими до тех времен, когда мы, разбогатеv, не будем нуждаться в таких ничтожных суммах. Я, конечно, согласился на это условие.

Явились в Берне еще и другие предложения и дела, сулившие нам в будущем разные материальные блага, но я на них останавливаться не буду, так как тороплюсь сообщить о более важных обстоятельствах, случившихся в эту мою поездку и приведших, как известно, к моему провалу.

VIII.

Расплатившись как раз в требовавшийся в срок с уезжавшей студенткой и обещав членам нашей бернской группы остаться подольше у них на обратном пути, что, по моему предположению,

должно было вскоре произойти, я, сопровождаемый всякими теплыми пожеланиями со стороны группы симпатичной женской молодежи, проводившей меня на вокзал, отправился в Цюрих.

В те времена, ввиду действовавшего в Германии закона против социалистов, как известно, центральный орган социал-демократической партии, редактировавшийся тогда Эд. Бернштейном, издавался в Цюрихе, откуда контрабандным путем он переправлялся через границу. Отправлять непосредственно из Швейцарии на русско-германскую границу наш транспорт было чрезвычайно рискованно. Я решил поэтому воспользоваться имевшимся у экспедитора германской социал-демократической газеты, небезызвестного Мотелера, контрабандным путем.

В первый же вечер моего приезда в Цюрих мы с Аксельродом отправились к Мотелеру; но, выслушав мою просьбу, он сказал, что незадолго перед тем произошел «провал границы», поэтому он лишен возможности помочь мне в переправе наших изданий; по его словам, приходилось отложить это дело на неопределенное время, пока не удастся им вновь наладить контрабандный путь.

Это сообщение меня очень печалило: Финстер в последнем письме уведомлял, что его продолжительное пребывание в небольшом пограничном поселке, где каждое новое лицо на виду, чрезвычайно опасно; это было вполне верно: излишняя проволочка грозила ему арестом, а следовательно, провалом всего предприятия, — потерей возможности связаться с Россией, доставлять туда наши издания и пр. Поэтому нельзя было мешкать в ожидании неизвестно сколько времени, пока социал-демократы устроят надежную переправу.

В Цюрихе же жил студент-медик Ефрон, который, как мне было известно, неоднократно переправлял каким-то способом через швейцарско-германскую границу русские революционные произведения, что всегда охотно делал. Но, когда я обратился к нему, он также предложил подождать несколько недель, ввиду происходивших у него в то время выпускных экзаменов.

Судьба, видимо, подстроила все так, чтобы я сам перевез через границу наши издания. Я, однако, не сразу решил взять на себя эту опасную миссию.

В другом пограничном с Германией городе — в Базеле, у меня имелся знакомый швейцарец социал-демократ, который также не раз помогал нам в деле перевозки через границу русских революционных произведений: всего недели за две — три до

описываемого здесь времени я дал члену польской организации «Пршедевит», Яблонскому, рекомендательное письмо к этому швейцарцу, и, как мне было известно, польский товарищ благополучно провез свои брошюры.

Ввиду настояний П. Б. Аксельрода и жены его Надежды Исааковны не подвергать себя риску, а предоставить ей заботу, при содействии моего базельского социал-демократа, о перевозе через границу и дальнейшей отправке наших изданий, я, хотя на это согласился, но для полной уверенности, что по ее неопытности в таких предприятиях не будет совершен какой-нибудь крупный промах, все же решил отправиться в Базель вместе с нею и, на всякий случай, захватил с собою заграничный паспорт, под которым в Цюрихе жил муж Фелиции Шефтель. Мои друзья одобрили это мое решение, но, как вскоре увидим, то был первый промах, приведший к печальному финалу.

Предназначившиеся для перевозки произведения были нами разложены в двух больших дорожных сундуках, так что они заняли в каждом половину объема, затем поверх них мы положили в одном—мужское белье и илатье, а в другом—женские вещи, чтобы при осмотре в таможенке этого багажа он не возбудил подозрения.

* * *

Из Цюриха мы выехали 9-го марта. Найдя вскоре по приезде в Базель моего швейцарца, мы от него узнали, что перевозка через границу русских произведений не представляет никакого риска, так как среди немецких таможенных чиновников он имеет хорошего знакомого, который в его присутствии поверхностно осматривает багаж.

Мы втроем отправились на вокзал, находящийся уже на германской территории, где швейцарец отрекомендовал нас своему знакомому немцу, который, действительно, лишь слегка осмотрев наши вещи, наклеил полагающиеся ярлычки на сундуках.

Первый и вместе самый важный акт, таким образом, прошел вполне благополучно. Затем предстояло доехать до какого-нибудь ближайшего германского города, там остановиться и, заделав брошюры в посылки, отправить их по почте на присланный Финстером адрес в какой-то город, расположенный вблизи русско-германской границы, а там он уже сам должен был позаботиться о переправе транспорта в Россию через контрабандистов.

Надежда Исааковна выразила готовность отправиться в Германию с этим багажом, но я воспротивился этому, так как в предстоявшем акте не предвидел никакой опасности; к тому же было еще одно важное обстоятельство, побуждавшее меня поехать туда.

Незадолго перед тем, «Дрезденский юноша» написал мне об имевшемся у него «вполне верном плане» получить довольно крупную сумму для нашей группы. Для обсуждения сообща со мною этого плана он готов был приехать из Дрездена в Швейцарию. Занятый вышеизложенными хлопотами, я отложил ответ ему до выяснения дела с отправкой транспорта. Теперь, когда оказалось, что осмотр багажа прошел вполне благополучно, мне пришла мысль соединить отправку брошюр из германского города со свиданием с «Дрезденским юношей»: таким образом достигалась экономия времени и издержек.

Согласившись с этими доводами, Надежда Исааковна все же сказала:

— А вдруг что-нибудь с вами случится?

— Что же может случиться? — спросила я.

Она, конечно, не могла этого отгадать, да и никто не мог бы. Я уехал — и три часа спустя уже находился в темной камере фрейбургской тюрьмы. Как и почему это произошло, мною давно уже подробно описано в книге, озаглавленной «16 лет в Сибири».

* * *

Мой арест, конечно, произвел большой переполох в ходе дел, — на несколько месяцев он совершенно выбил товарищей из колеи, заставив сосредоточить все их внимание на разных способах для освобождения меня, — легальным ли путем, выпуском ли под большой залог или подготовкой побега из тюрьмы. Все это вызвало за границей сильнейшую агитацию, реальным результатом которой явился чрезвычайно обильный приток материальных средств в кассу группы «Освобождение Труда», что затем дало последней возможность продолжать свою издательскую деятельность. В этой агитации и сборах денег большую инициативу и активность проявили кружки содействия, а также и многие посторонние лица, часто вовсе не разделявшие наших взглядов, а то и относившиеся, как народолюбцы с Лавровым, вполне отрицательно ¹⁾.

¹⁾ См. письмо Плеханова к Лаврову.

Но, несмотря на обильный приток средств и проявленное многими лицами моим друзьям сочувствие, устранение меня от разных предприятий группы «Освобождение Труда», несомненно, нанесло большой ущерб всем нашим планам. В этом моем заявлении нет ни малейшего преувеличения, самовозвеличения и т. п.: это только констатирование общепризнанного факта.

Я и отчасти Финстер являлись среди членов нашей группы практиками, организаторами, подобно тому, как Плеханов да отчасти Аксельрод были ее теоретиками, редакторами. Насколько это было тогда возможно, я стремился создать в России рабочую организацию, для чего, «после некоторой подготовки почвы», намеревался отправиться туда, о чем заранее сообщил моим друзьям ¹⁾. Признавая целесообразность этого плана, Георгий Валентинович высказывал лишь опасение, чтобы я не провалился, почему советовал не торопиться с отъездом ²⁾.

Теперь очевидно всякому, что основание группы «Освобождение Труда» в ту пору не было злостной затеей, надуманной несколькими непризнанными народолюбцами-эмигрантами. Это явствует хотя бы из того, что ей удалось преодолеть наиболее неблагоприятные условия, какие только можно себе представить. Затем все чаще появляющиеся сообщения и воспоминания о том десятилетии неопровержимо показывают, что в разных местах, независимо один от другого, возникали в России кружки, разделявшие те же взгляды, ставившие себе те же задачи, как и мы. Известно, напр., что группа Благоева, возникшая в Петербурге

¹⁾ См. мои письма к Аксельроду.

²⁾ Не могу сообразить, откуда В. Вагания почерпнул, что «Дейч и не представлял себе те грандиозные перспективы создания политической партии рабочего класса, которые к этому времени были совершенно ясны и очевидны для Плеханова» (См. «Под Знам. Марксизма» № 8—9, 1923 г., стр. 51—52.)

Где вычитал это сей всеведущий исследователь, знающий многое такое о Плеханове, что неизвестно было самому Г. В. От этого свойства сего правдивого «ученого», надо признать, очень мало выигрывают его глубокомысленные исследования. Насколько мне известно, никаких «грандиозных перспектив и т. д. в то время» у Плеханова не было да и не могло быть, по той простой причине, что он не был утопистом и всегда высмеивал «грандиозные перспективы», которые сравнивал с маниловскими мостами и т. п. И вот столь глубокий и пронизательный знаток Плеханова, его планов и невысказанных взглядов берется его комментировать!

Каковы в действительности были наши, в том числе Георгия Валентиновича, предположения насчет пропаганды и организации рабочих в описываемое время, я сообщу в другой раз.

вскоре после нашей, не подозревала о наших стремлениях, как, в свою очередь, и мы не имели ни малейшего представления о ее существовании. Далее, в те же годы началось широкое рабочее движение, связанное с организованной Моисеенко Орехово-Зуевской стачкой и т. д.

Из всего этого ясно, что, хотя мы и были совершенно оторваны от России, тем не менее вполне верно уловили ход естественного ее развития, а в этом, как известно, и должна состоять роль сознательных, последовательных марксистов.

* * *

Заканчивая на этом мои сообщения, напомню, что, по прошествии 20 лет со времени возникновения группы «Освобождение Труда», на II съезде, в Лондоне, мне, по поручению товарищей, пришлось заявить о прекращении ее существования. И мне же теперь, по прошествии 40 лет, пришлось рассказать о первых сделанных ею шагах.

Дальнейшая ее деятельность будет видна из печатаемых ниже и имеющих впредь появиться писем и воспоминаний на страницах настоящих Сборников.

27/XII 1923 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
От Комитета и Редакции	5—7
Признательность	8
✓ Л. Г. Дейч.—Первые шаги группы «Освобождение Труда»	9
Г. В. Плеханов.—А. Н. Радищев (посмертная рукопись)	50
✓ В. В. Повдняякова Плеханова.—Детство и отрочество Г. В. Плеханова	
Р. М. Плеханова.—Наша первая встреча с Ж. Гедом	95
Е. Н. Иенатова.—Братья В. Н. и И. Н. Игнатовы (воспоминания сестры)	101
✓ О. К. Буланова.—«Черный Передел»	112
И. Гецов.—Типография «Черного Передела»	123
✓ Фр. Энгельс.—Письма к В. И. Засулич	
Г. В. Плеханов.—Письма к С. Кравчинскому	145
✓ Л. Г. Дейч.—Письма к П. Б. Аксельроду	148
В. И. Засулич.—Письма к С. Кравчинскому	200
✓ С. Кравчинский.—Письма к В. И. Засулич	215
✓ Л. Тихомиров.—Письма к И. Л. Лаврову	245
✓ Ю. Сергеев.—Ушедшие (И. Аксельрод, Б. Гинсбург, А. Любимов, д-р Н. Васильев, А. Зон и Б. Цетлин)	
Л. Г. Дейч.—Три свежие могилы (А. Успенская, А. Зунделевич и П. Моисеевко)	270
Л. Д.—Смерть Ленина	276
✓ Е. Н. Ковальская.—Печальное недоразумение	
✓ С. Я. Вольфсон.—Вокруг Плеханова (литературное обозрение произведе- ний о Г. В. Плеханове в 1923 г.)	282
Алфавитный указатель имен	305

ФОТОГРАФИИ: группа «Осв. Тр.», портреты В. Н. и Е. Н. Игнатовых и факсимиле писем Фр. Энгельса.